

Олег Лекманов

Осип Мандельштам — учитель молодых авторов

(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

Oleg Lekmanov

Osip Mandelstam as a Teacher of Young Authors (From to the Memoirs of Contemporaries)

Олег Лекманов (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улутбека, профессор; доктор филологических наук) lekmanov@mail.ru.

Oleg Lekmanov (Dr. habil.; Professor, National University of Uzbekistan) lekmanov@mail.ru.

Ключевые слова: Мандельштам, Гумилев, литературная учеба

Key words: Mandelstam, Gumilev, literary training

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_96

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_96

В статье идет речь об Осипе Мандельштаме как об учителе молодых поэтов. Методы Мандельштама радикально отличались от методов его собственных поэтических наставников, в первую очередь Николая Гумилева. Мандельштам не очень верил в регулярное обучение, предпочитая ненавязчиво образовывать начинающих авторов и точно разбирать их произведения.

The article focuses on the teaching practices of Osip Mandelstam. Mandelstam's methods were radically different from those of his own poetic mentors, primarily Nikolai Gumilev. Mandelstam did not really believe in regular education, preferring to unobtrusively teach literary craft to novice authors by analyzing their works.

Что такое — «учитель писателей»? Как учат писателей? Очевидно, что на этот вопрос можно дать множество ответов.

Ахматова написала в свое время:

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта, мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама...¹

При этом Мандельштаму на его пути встретились как минимум четыре выдающихся учителя поэзии — Владимир Гиппиус, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов и Николай Гумилев.

Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус был учителем Мандельштама в буквальном смысле этого слова, он преподавал литературу в Тенишевском училище, которое окончил поэт. «Власть оценок В.В. длится надо мной и сейчас»², — признавался Мандельштам в своей автобиографической прозе,

1 Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Requiem. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 143.

2 Мандельштам О.Э. Шум времени // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 256.

а среди педагогических методов Гиппиуса он особо выделял чтение стихотворений вслух («вся сила его личности заключалась в энергии и артикуляции его речи»³) и домашние разговоры о литературе с перебиранием любимых и нелюбимых имен:

Начиная от Радищева и Новикова у В.В. устанавливалась уже личная связь с русскими писателями, желчное и любовное знакомство, с благородной завистью, ревностью, с шутливым неуважением, кровной несправедливостью, как водится в семье⁴.

К Вячеславу Иванову юный Мандельштам тоже приходил домой, на знаменитую «башню» (первый визит состоялся 16 мая 1909 года), чтобы там вместе с другими молодыми поэтами слушать лекции мэтра о стихе (подробнее см.: [Гаспаров 1994; Обатнин 2020]). Хотя только к слушанию лекций и в этом случае дело не сводилось, и, конечно, не только о лекциях Мандельштам писал Вячеславу Иванову 22 октября 1909 года:

Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения. Насколько первыми я обязан вам — настолько вторые принадлежат вам по праву, о котором вы, быть может, и не думаете⁵.

Тем не менее значение именно стиховедческих лекций Иванова преуменьшать не стоит, по-видимому, как раз одну из них Мандельштам имел в виду в письме к Иванову от 17 декабря 1909 года: «Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба»⁶.

В отличие от Владимира Гиппиуса и Вячеслава Иванова, главный поэтический учитель младших символистов и постсимволистов Валерий Брюсов не был прямым наставником начинающего Мандельштама. Брюсовские уроки Мандельштам воспринял через посредничество Николая Гумилева, который в 1900-е годы был одним из самых старательных выучеников Брюсова⁷.

О взаимоотношениях Мандельштама с Гумилевым как учителем поэзии выразительно писал Георгий Иванов:

В дореволюционный период сильнее всего на него влиял Гумилев. Их отношения в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба) были настоящая любовь-ненависть. «Я борюсь с ним, как Иаков с Богом», — говорил Мандельштам. Победителем из этой поэтической борьбы неизменно выходил Гумилев. Прямой результат этих побед — стройное совершенство «Камня» и отчасти «Tristia». Перечитывая стихи Мандельштама, изданные им уже после гибели Гумилева, я нашел в них несколько гумилевских поправок, когда-то яростно отвергнутых Мандельштамом и все же им принятых. Можно по-разному расценивать поэзию Гумилева. Но не может быть двух мнений о значении

3 Там же. С. 255.

4 Там же. С. 256.

5 *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 365.

6 Там же. С. 366.

7 О Гумилеве как ученике Брюсова подробнее см. в первую очередь: Переписка В.Я. Брюсова с Н.С. Гумилевым / Вступ. ст. и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова, публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1991. С. 400—514.

Гумилева как учителя поэзии. В этой роли он был по меньшей мере тем, что Дягилев в балете. Конечно, он не создавал из ничего замечательных поэтов. Но и Дягилев тоже не создал из ничего Нижинского или Лифаря. Гениальная пронизательность выбора сочеталась у обоих с еще более поразительным даром — указывать новоявленному избраннику его правильную творческую дорогу. <...> ...возможно, что никто не обязан Гумилеву в такой степени, как Мандельштам «Камня»⁸.

Хорошим комментарием и к этому фрагменту воспоминаний Иванова, и к замечанию Ахматовой о том, что у Мандельштама не было учителя, может послужить ее суждение, зафиксированное в записи из дневника Павла Лукницкого от 18 мая 1926 года:

...АА заговорила о том, кому из поэтов она не решилась бы сделать указания на какой-нибудь недостаток. Стала думать. Блок? Блоку, пожалуй, она могла бы сказать... Такого случая с ней не было, но она представляет себе, что он мог бы быть. «Он поблагодарил бы и сказал “Хорошо, я посмотрю потом”...» Гумилев? Ну, ему АА неоднократно делала такие указания. Но вот Мандельштаму, например, АА никогда бы не могла сделать такого замечания. Совершенно не представляет себе, как бы она это сделала. «А Николай Степанович, — добавляет АА, — постоянно грыз Осипа — и даже очень любил его корить»⁹.

Когда Мандельштам стал воспринимать себя и восприниматься окружающими как поэт, которому есть чему научить молодых авторов¹⁰, то очевидной сделалась разница между гумилевским и мандельштамовским подходами к самому процессу наставничества.

Гумилев, вслед за Гишпиусом, Брюсовым и Вячеславом Ивановым, делал ставку на регулярные и логично выстроенные курсы обучения основам стихотворческого ремесла. Эмблемой такой установки может послужить название «Цех поэтов», придуманное Гумилевым и Сергеем Городецким для объединения молодых стихотворцев, образованного ими в октябре 1911 года по образцу средневековых ремесленных цехов (Мандельштам был участником этого объединения). Свою программу методичного обучения начинающих авторов поэтическому мастерству Гумилеву удалось в полной мере реализовать уже после революции, в студии при издательстве «Всемирная литература».

Подход Мандельштама, как мы попробуем показать далее, был иным.

Как раз о разнице педагогических подходов Гумилева и Мандельштама — гумилевского настойчивого и даже навязчивого («постоянно грыз», «даже очень любил его корить») и мандельштамовского деликатного — пишет Ирина Одоевцева в мемуарной книге «На берегах Невы» (речь идет о самом начале 1920-х годов):

Мандельштам относился к занятиям в литературной студии «без должного уважения», как он сам признавался.

---

8 *Иванов Г.В.* Осип Мандельштам // *Иванов Г.В. Собр. соч.*: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 618.

9 *Лукницкий П.Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Т. 2. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997. С. 165.

10 Приведем цитату из мемуаров Михаила Карповича (речь идет о ноябре 1913 года): «Мандельштам показался мне очень изменившимся: стал на вид гораздо более важным, отпустил пушкинские бачки и вел себя уже как мэтр» (*Карпович М.М.* *Мое знакомство с Мандельштамом* // *Новый журнал*. 1957. № 49. С. 261).

— Научить писать стихи нельзя. Вся эта «поэтическая учеба» в общем ни к чему. Я уже печатался в «Аполлоне», и с успехом, — рассказывал он, — когда мне впервые пришлось побывать на Башне у Вячеслава Иванова по его личному приглашению. Он очень хвалил мои стихи: «Прекрасно, прекрасно. Изумительная у вас оркестровка ямбов, читайте еще. Мне хочется послушать ваши анапесты или амфибрахии». А я смотрю на него выпучив глаза и не знаю, что за звери такие анапесты и амфибрахии. Ведь я писал по слуху и не задумывался над тем, ямбы это или что другое. Когда я сказал об этом Вячеславу Иванову, он мне не поверил. И убедить его мне так и не удалось. Решил, что я «вундеркиндствую», и охладел ко мне. Впрочем, вскоре на меня насел Гумилев. Просветил меня, посвятил во все тайны. <...>

Меньше всего Мандельштам хотел выступать в роли учителя. И все же, очень скоро поняв, что меня, как он выражался, «мучит неутолимая жажда знаний», без всякой просьбы с моей стороны взял на себя эту несвойственную ему роль. И стал меня — когда мы оставались с глазу на глаз — полегоньку подучивать. Делал он это как-то совсем ненарочито, будто случайно, заводя разговор то о Рильке, то о Леопарди, то о Жераре де Нервале, то о Гриммельсхаузене, о котором я до него понятия не имела¹¹. <...> И еще много других разнообразных сведений получила я от него во время бесконечных хождений по Петербургу.

— Только не рассказывайте Гумилеву о наших разговорах. А то он рассердится и на меня, и на вас. Ведь это его прерогатива — учить вас уму-разуму. Вообразит еще, что я на нее посягаю. А ведь я толком ничего не знаю. И никого ничему научить не могу. Я, слава Богу, аутодидакт и горжусь этим [Лекманов 2022: 222—224].

Кажется очевидным, что рассказ Мандельштама (или его пересказ Одоевцевой) о Вячеславе Иванове, анапестах, амфибрахиях и ямбах не слишком правдив. Приведенная выше цитата из письма Мандельштама к Иванову ясно показывает, что младший поэт внимательно слушал лекции старшего о стихотворных размерах и что отнюдь не Гумилев «посвятил» Мандельштама «во все тайны».

Куда важнее то, что мемуары Одоевцевой рассказывают читателю об одном из способов, к которому прибегал Мандельштам, когда ненавязчиво учил молодых поэтов, — воспитании вкуса, знакомстве с лучшими и при этом не самыми затертыми образцами «мировой культуры»¹².

Попробуем теперь реконструировать еще несколько мандельштамовских способов взаимодействия с начинающими авторами, опираясь на позднейшие мемуары этих авторов о поэте.

Начнем с наиболее радикального и жесткого способа: отрицательная оценка стихотворений и отказ от их дальнейшего обсуждения.

---

11 Ни один из перечисленных авторов ни разу не упоминается в стихах и статьях Мандельштама, хотя поэт, разумеется, и мог испытывать интерес к этим авторам и рассказывать о них Одоевцевой. Отметим, что в журнальной публикации фрагментов «На берегах Невы» набор имен был чуть иным. Там рассказывается, что Мандельштам «будто случайно» заводил «разговор то о Рильке, то о Новалисе и Тике, то о Гриммельсхаузене» (Одоевцева И.В. На берегах Невы // Новый журнал. 1963. № 72. С. 78).

12 Ср.: «На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: “Тоска по мировой культуре”» (Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Requiem. С. 141).

Вениамин Каверин вспоминает, что, выслушав его стихи, Мандельштам отозвался на них репликой: «От таких, как вы, надо защищать русскую поэзию»¹³. Николаю Чуковскому в сходной ситуации Мандельштам сказал: «Каким гуттаперчевым голосом эти стихи ни читай, они все равно плохие»¹⁴. На стихотворения Якова Цвибака, который впоследствии получил известность в эмиграции под псевдонимом Андрей Седых, Мандельштам отреагировал издевательским сравнением: «Знаете, юный мой друг, ваши стихи несколько не хуже и не лучше стихов Надсона»¹⁵. К еще одному молодому поэту (Арсению Тарковскому) было обращено сердитое мандельштамовское предложение: «Разделим землю на две части, в одной половине будете вы, в другой останусь я»¹⁶. Из стихотворения молодого Валентина Катаева, самому автору казавшегося «таким горьким и таким прекрасным», Мандельштам «признал достойной внимания только одну-единственную строчку... <...> Остальное же с учтивым презрением он отверг, сказав, что это — вне литературы»¹⁷. А в стихотворении Бориса Горнунга Мандельштаму, напротив, одна строка не понравилась настолько, что он сообщил Горнунгу об этом следующим образом: «Это же — дрянь, гниль, труха (его любимое слово), выкинь и замени чем-нибудь!»¹⁸

Отметим, что подобная прямота в оценках проявлялась опытными и признанными поэтами при знакомстве со стихами начинающих и/или непризнанных далеко не всегда. Приведем здесь весьма показательный отрывок из воспоминаний Анатолия Наймана о поздней Ахматовой:

...когда автор приходил за ответом, она старалась не обидеть и говорила что-нибудь необязательное, что, из ее уст, могло быть воспринято как похвала. И тут... были «пластинки», две-три сентенции, которые успешно употреблялись в зависимости от обстоятельств. Если в том, что она прочла, было описание пейзажа, Ахматова говорила: «В ваших стихах есть чувство природы». Если встречался диалог — «Мне нравится, когда в стихи вводят прямую речь». Если стихи без рифм — «Белые стихи писать труднее, чем в рифму». Тот, кто после этого просил посмотреть «несколько новых стихотворений», мог услышать: «Это очень ваше». И наконец, в запасе всегда было универсальное: «В ваших стихах слова стоят на своих местах»¹⁹.

Если Мандельштам находил в прочитанном ему автором тексте или текстах что-нибудь, на его взгляд, интересное, далее часто следовал филологический разбор, иногда беглый, иногда — подробный. Тут нужно заметить, что, в от-

-
- 13 Каверин В.А. Встречи с Мандельштамом // Каверин В.А. Счастье таланта. Воспоминания и встречи, портреты и размышления. М.: Современник, 1989. С. 300.
- 14 Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 161.
- 15 Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1979. С. 31.
- 16 Липкин С.И. «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания // Липкин С.И. Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008. С. 23.
- 17 Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Вагриус, 2005. С. 312. Ср. с позднейшим признанием Катаева: «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой» (Панкин Б. На грани стихий // Новый мир. 1986. № 8. С. 250).
- 18 Горнунг Б.В. Заметки к биографии О.Э. Мандельштама // «Сохрани мою речь...» Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. Вып. 3/2. М.: РГГУ, 2000. С. 157.
- 19 Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. С. 157.

личие, скажем, от Блока²⁰, Мандельштам, как и Гумилев, высоко ценил филологические разборы поэтических текстов. Об этом говорят мемуары Георгия Иванова:

В «Цехе поэтов» существовало правило: всякое мнение о стихах обязательно должно быть мотивировано. На соблюдении этого правила особенно настаивал Мандельштам. Он любил повторять: «Предоставьте барышням пищать: Ах, как мне нравится! Или: Ох, нет, мне совсем не нравится!» Звонок синдика Гумилева, прерывавший оценки «без придаточного предложения», всегда вызывал у Мандельштама одобрение²¹, —

и чрезвычайно важное, на наш взгляд, свидетельство Георгия Адамовича:

Писатель пишет о себе, «pro domo sua»²², лишь в крайнем случае, когда надо в чужой критике что-либо опровергнуть, исправить. Обыкновенно опровергается или исправляется какая-нибудь мелочь, факт, дата, ссылка на источник... И только по раздражению, с каким порой это делается, догадываешься, что хотелось бы писателю в ответ на постороннюю критику поговорить о себе по существу, объяснить себя, комментировать себя. Но это невозможно: «не принято». Очень жаль, что не принято, потому что само-критика и само-комментарии могли бы дать много чрезвычайно интересного, — наряду с ворохами вздора, конечно. Когда-то это предложил Мандельштам. Собралось несколько поэтов, читались стихи, затем тут же обсуждались²³. Как всегда и везде в таких случаях, обсуждение шло мимо прочитанной вещи. Высказывались мнения сами по себе очень правильные и осторожные, но связь этих мнений со стихами, к которым они относились, была призрачна. Этого не замечают слушатели, но это с недоумением ощущает автор. Мандельштам и предложил: «Позвольте, я сам себя разберу»...²⁴

Приведем теперь пять известных нам примеров из воспоминаний современников, где содержатся сведения о кратких и подробных филологических разборах Мандельштамом произведений молодых поэтов. Эти примеры мы расположили в хронологическом порядке.

Первый урок датируется осенью 1916 года. Начинающий стихотворец Всеволод Рождественский решил поучаствовать в вечере поэтов Петербургского университета и принес стихи на суд члену отборочного жюри Осипу Мандельштаму. Сначала Мандельштам огорошил Рождественского вопросом: «Скажи-те, вы совершенно убеждены в том, что это поэзия?»²⁵, а затем обсудил с ним

---

20 «В <19>20-м, кажется, году Блок присутствовал в Институте на каком-то заседании опоязовского толка. Говорили о стихах. Блок, по-видимому, чувствовал, что от него ждут отзыва, и поэтому сказал: “Все, что вы здесь говорили, — интересно и, вероятно, правильно, но я думаю, что поэту вредно об этом знать”» (*Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство—СПБ, 2002. С. 58).

21 *Иванов Г.В.* Осип Мандельштам // *Иванов Г.В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 615.

22 «Pro domo sua» — «В защиту своего дома» (*лат.*). Г. Адамович обыгрывает «pro domo mea» — «в защиту моего дома» — название знаменитой речи Цицерона, ставшее крылатым выражением.

23 Речь, очевидно, идет об одном из собраний «Цеха поэтов», скорее всего второго или третьего.

24 *Адамович Г.В.* Литературные беседы // *Звено.* 1926. 26 сентября.

25 *Рождественский В.А.* Страницы жизни. М.; Л.: Советский писатель, 1962. С. 129.

представленные стихи, особое внимание уделив (1) ритму, (2) обязательному для хорошего стихотворения эффекту поэтической неожиданности, (3) принципу экономии слов и (4) интонации²⁶.

Второй пример мы взяли из очерка с говорящим названием «Уроки мастерства», автором которого был Александр Гатов, впервые встретившийся с Мандельштамом в феврале 1919 года в Харькове. Здесь по памяти приводится следующее стиховедческое замечание, которое Мандельштам сделал Гатову после прочтения его дебютной книги «Барельефы из воска»:

«У вас двадцать с лишком стихотворений, и шестнадцать из них написаны ямбом. Не кажется ли вам, что каждая тема рождает свое дыхание, свой ритм? Обратили ли вы внимание на разнообразие размеров в моем “Камне”?»²⁷ — он опустил ресницы; и после с орлиной ясностью посмотрел мне в глаза:

— Я не считал, — сказал он, — но думаю, в «Камне» размеров тридцать...²⁸

Третий пример будет не из мемуаров, а из письма самого Мандельштама. В конце июля 1923 года Лев Горнунг принес поэту тетрадь стихов. Спустя два месяца он получил от Мандельштама небольшую рецензию-письмо:

Спасибо за стихи. Читал их внимательно. Простите меня, если я скажу о них в этой записочке: в них борется живая воля с грузом мертвых, якобы «акмеистических» слов. Вы любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущение времени меняется. Акмеизм 23-го года — не тот, что в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь «совестью» поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия. Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого²⁹.

Четвертый пример, пожалуй, самый интересный, потому что содержит наибольшее количество конкретных деталей. Кроме того, этот пример демонстрирует, что, разбирая с молодыми поэтами их стихотворения, Мандельштам не использовал какой-то один метод взаимодействия с автором, а комбинировал разные методы.

Весной или летом 1929 года одессит Семен Липкин отправил Мандельштаму свои стихи. Осенью этого года он пришел к старшему поэту, чтобы услышать его приговор. «Мои рукописные листы, — вспоминает Липкин, — Мандельштам разложил на три неравные стопки. О первой, самой большой, он ничего не сказал: значит, говорить не стоило»³⁰. Здесь мы встречаемся с уже знакомым нам способом — отказом от разговора о тех стихотворениях, которые Мандельштам считал находящимися «вне литературы». «Перебирая горздо меньшую вторую, — продолжает Липкин, — <Мандельштам> указывал на неправильные ударения, банальности, но не сердился»³¹. Стихотворения из второй стопки, по мнению Мандельштама, заслуживали профессионального разбора. Отметим, что на банальности Мандельштам указывал и начинавше-

26 Там же. С. 129—131.

27 Речь, вероятно, идет о втором издании «Камня» Мандельштама, вышедшем в 1916 году.

28 Гатов А.Б. Уроки мастерства // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. С. 17.

29 Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 3. С. 383.

30 Липкин С.И. «Угль, пылающий огнем...»... С. 14.

31 Там же.

му поэтический путь Всеволоду Рождественскому: «Словарь ваш ограничен, и к привычным словосочетаниям вы еще не испытываете особой боязни. Небо у вас всегда “голубое”, а море “бурное”»³².

Продолжил Мандельштам профессиональный, филологический разбор стихотворений Липкина и говоря о тех из них, которые ему понравились больше остальных (третья стопка). При этом Мандельштам не упустил возможности ненавязчиво обратить внимание Липкина на имена нескольких авторов, чьи произведения тот при желании мог бы прочитать или перечитать (Андрей Белый, Тынянов, Фонвизин, Капнист):

Об одном <стихотворении Липкина>, со сложным строфическим построением, <Мандельштам> сказал: «Здесь хороши только эти ое, ое (рифменные окончания), напоминают Белого». Другое прочел дважды, пристально, вскинув длиннейшие, равнинские ресницы, посмотрел на меня, — стихотворение называлось «Петр и Алексей», — сказал: «Концепция, того-этого, не стала стихом. И после словесных открытий Тынянова³³ уже нельзя так писать на темы русской истории». Вот как он разобрал начальную строфу:

У нас и недорослей, и ябед
Хоть пруд пруди,
Но все же страшен постылый Запад
И боль в груди.

— Сперва пошло хорошо. Недоросли, ябеды — 18 век, Фонвизин. Капнист. На «ябед» найдена новая рифма, но вся строка с Западом — перепев символистов, вернее — их славянофильских эпигонов, всяких родственников известных поэтов³⁴. Что же касается «боли в груди», то это уже вовсе Аполлон Коринфский³⁵. А дальше и того хуже. Ум острый, языка нет³⁶.

Пятый текст, который мы бы хотели процитировать в качестве примера работы Мандельштама с молодыми авторами, был написан не поэтом, а прозаиком-очеркистом. Когда в 1933 году Виктор Виткович прочел Мандельштаму два своих рассказа, Мандельштам начал их разбор так:

32 Там же.

33 В первую очередь, по-видимому, имеется в виду вышедший в 1929 году роман Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Возможно, «словесные открытия Тынянова» Мандельштам в разговоре с Липкиным противопоставил подходу к русской истории Д.С. Мережковского как автора романа «Петр и Алексей». Кроме «Смерти Вазир-Мухтара», Мандельштам мог иметь в виду повесть Тынянова «Подпоручик Киж» 1928 года.

34 Возможно, подразумевается поэт Сергей Соловьев (племянник Вл. Соловьева и троюродный брат Блока) и его стихотворение «Новгород».

35 То есть поэт А. Коринфский — см., например, его строки «С гнетом бессилья в груди, / С мукою ран впереди» из стихотворения «Если в мгновенье тоски роковой...» (1889). Модернисты презирали Коринфского. Ср., например, с показательным отзывом В. Брюсова 1906 года: «Поэзия г<осподина> Коринфского не выходит из круга мелких настроений, пошлых сюжетов, избитых мыслей. В груди стихотворных томов г. Коринфского мерцает огонек поэтического воодушевления, но он еле теплится; редкие художественные строчки разделены целыми десятками графаретных стихов; отдельные яркие образы вправлены в тусклые, ремесленно задуманные пьесы» (*Брюсов В.Я.* Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 164).

36 *Липкин С.И.* «Угль, пылающий огнем...»... С. 14—15.

— Что у вас с носом?
Я опешил:
— С носом?
— Да, — сказал он... пробежавшись по комнате. — Зрение у вас хорошее. Просто отличное! Слух тоже. А что с носом?³⁷

Тогда ошеломленный Виткович признался, что в раннем детстве ему вырезали аденоиды и поэтому он «почти не ощущал запахов. Только самые резкие. Не ощущал, ну и не писал»³⁸. Других подробностей разговора Виткович, к сожалению, не сообщает, а пишет только, что «потом был подробный разговор о рассказах. Он говорил и хорошее (уменьше, которое не каждому дано) и плохое (прямо и без обиняков — и это дано не каждому)»³⁹.

Со второй половины августа 1929 года по январь 1930 года Мандельштам числился штатным сотрудником газеты «Московский комсомолец». В этот период обучение начинающих литераторов вменялось ему в обязанность, то есть ему волей-неволей пришлось действовать «по-гумилевски». «Литучеба и непрерывная неделя», — констатировал сам поэт в одной из неподписанных заметок от редакции, напечатанных в «Московском комсомольце»⁴⁰. Свое подлинное отношение к этой «литучебе» Мандельштам предельно откровенно выразил в позднейшем стихотворении «Квартира тиха, как бумага...» (ноябрь 1933 года):

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей⁴¹.

Однако, как это почти всегда бывало с таким «виртуозом противочувствия» [Аверинцев 1990: 30], каким был Мандельштам, отношение поэта к начинающим советским авторам отнюдь не исчерпывалось презрением. В воспоминаниях Александра Алексеева-Гая и Александра Глухова-Щуринского рассказывается о вполне искреннем, по-видимому, расположении Мандельштама к молодым поэтам, группировавшимся вокруг редакции «Московского комсомольца». Коротко говорится в этих мемуарах и о мандельштамовской литературной учебе.

А. Алексеев-Гай: Мандельштам «стал разбирать стихи дальше: “— Тут у вас: ‘Надежда на спасенье тусклее гроша’. Это звучит, как перевод с иностранного”»⁴².

А. Глухов-Щуринский:

Вокруг его обыкновенного канцелярского стола сомкнулась группа молодежи — начинающих прозаиков, поэтов. Каждый из них, конечно, жаждет напечататься,

---

37 *Виткович В.С.* Сто историй в дороге. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 146.

38 Там же.

39 Там же.

40 *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 3. С. 275.

41 *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 183.

42 *Алексеев-Гай А.Н.* Встречи с Мандельштамом // Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. Венок Мандельштаму / Сост., вступ. ст. и примеч. П.М. Нерлера. М.: Московский рабочий, 1990. С. 324.

выслушать оценку маэстро своему творению. <...> Кто-то уже читает свои стихи. И убедительный, приятный голос Осипа Эмильевича, которого мы слушаем, заставив дыхание:

— В поэзии надо звать, открывать что-то новое, поражать, удивлять, учить... Ну а в стихах ваших ничего такого крылатого нет. В них нет энергии, подъема сил. И нет событий. Вы просто показываете факт как он есть... Но унывать не стоит...⁴³

Очевидно, что советы, которые поэт давал поэтам «Московского комсомольца», принципиально ничем не отличались от наставлений, делавшихся В. Рождественскому и С. Липкину. Нужно все же отметить, что, говоря с поэтами «Московского комсомольца», Мандельштам сознательно снижал требования и подлаживался под их культурный уровень. Очень ясно это видно из мандельштамовской реплики, которую приводит в своих мемуарах А. Глухов-Щуринский. Мандельштам спросил у будущего автора мемуаров: «Каким же по счету ты хотел бы стать поэтом?», а затем, «загибая пальцы», перечислил имена «уже известных, печатающихся в столичных журналах» стихотворцев: «Антокольский, Асеев, Багрицкий, Маяковский, Безыменский, Жаров, Светлов, Сельвинский, Маршак, Луговской...»⁴⁴ Присутствие в этом списке имен знаменитых тогда комсомольских поэтов (Безыменского, Жарова и Светлова), творчество которых Мандельштам ставил очень низко, столь же показательно, как и отсутствие имен Пастернака и Ахматовой.

Чрезвычайно осторожно Мандельштам первоначально повел себя и с крестьянским писателем Николаем Кочиним, который пришел к нему в редакцию «Московского комсомольца», чтобы поговорить о своем романе «Девки». И только когда Кочин прямо попросил поэта: «<Не> надо со мной деликатничать»⁴⁵, — то услышал несколько откровенных критических замечаний о системе персонажей и языке романа. Среди недостатков, на которые указал Мандельштам, были перенаселенность «Девки» и других романов начинающих писателей персонажами («все вы, современные прозаики, молодые, создаете толпу героев в книгах, как пастухи, гоните их стадами»⁴⁶) и злоупотребление сказом («Не только герои ваши говорят по-деревенски, но и вы сами»⁴⁷).

Итак, Осип Мандельштам «учил поэзии» (и прозе) по возможности деликатно, но при этом не избегал прямых, иногда весьма резких оценок. За исключением краткого и вынужденного периода службы в газете «Московский комсомолец», он, в отличие от Гумилева, никогда не занимался и не стремился заниматься регулярной литературной учебкой молодых авторов, а учил их «все-му шутя», как бы между делом.

43 Глухов-Щуринский А.И. О.Э. Мандельштам и молодежь // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама... С. 20—21.

44 Там же. С. 25.

45 Кочин Н.И. Мандельштам в «Московском комсомольце» // Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» С. 320.

46 Там же. По-видимому, в романах «современных прозаиков» Мандельштам обнаружил подтверждение правильности своего прогноза, данного еще в 1922 г., в статье «Конец романа»: «Дальнейшая судьба романа будет не чем иным, как историей распыления биографии как формы личного существования, даже больше, чем распыления, — катастрофической гибели биографии» (Мандельштам О.Э. Конец романа // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2. С. 123).

47 Кочин Н.И. Мандельштам в «Московском комсомольце». С. 322.

Тем не менее мандельштамовские уроки оказались для некоторых поэтов и прозаиков очень важными, и они имели полное право не кривя душой повторить вслед за Николаем Кочиним: «Я не мог забыть его советы, и сам ими пользовался, и сам их передавал начинающим»⁴⁸. А Анна Ахматова свидетельствовала в самом начале 1960-х годов:

Два поэта породили целые полчища учеников — Гумилев и Мандельштам. Первый сразу после своей см<ерти>, в двадцатых годах (Тихонов, Шенгели, Багрицкий), им бредила вся литературная южная Россия, второй сейчас (1961), им бредит почти вся начинающая молодежь Москвы и Ленинграда⁴⁹.

Библиография / References

- [Аверинцев 1990] — *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 5—64.
- (*Averintsev S.S.* Sud'ba i Vest Osipa Mandel'shtama // Mandel'shtam O.E. Sochineniya: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1990. P. 5—64.)
- [Гаспаров 1994] — *Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89—106.
- (*Gasparov M.L.* Lektsii Vyach. Ivanova o stikhe v Poeticheskoy Akademii 1909 g. // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. No. 10. P. 89—106.)
- [Лекманов 2022] — *Лекманов О.А.* «Жизнь прошла, а молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022.
- (*Lekmanov O.A.* "Zhizn' proshla, a molodost' dlitsya..." Putevoditel' po knige Iriny Odoevtsevoy "Na beregakh Nevy". Moscow, 2022.)
- [Обатнин 2020] — *Обатнин Г.В.* Материалы к учению о рифме в башенной Академии стиха // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by L. Fleishman, D.M. Bethea, I. Vinitsky. Bern: Peter Lang, 2020. P. 333—366.
- (*Obatnin G.V.* Materialy k ucheniyu o rifme v bashennoy Akademii stikha // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by L. Fleishman, D.M. Bethea, I. Vinitsky. Bern: Peter Lang, 2020. P. 333—366.)

---

48 Там же.

49 *Ахматова А.А.* Записные книжки Анны Ахматовой / Сост. К.Н. Суворовой, вступ. ст. Э.Г. Герштейн. М.; Torino: Einaudi, 1996. С. 139.